DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

UDK: 82.09:821.161.1:821.512.133

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Файзуллаева Х.Э., *старший преподаватель,*
кафедры русского языка и литературы,
E-mail: dominant_girl90@mail.ru,
Наманганский государственный технический университет

Аннотация: *В статье представлена функционально-типологическая интерпретация интертекстуальных связей в русской и узбекской постмодернистской литературе. Интертекстуальность рассматривается не как механическая совокупность цитат, а как структурно-семантический механизм, активизирующий культурную память, жанровые коды, авторские маски и читательскую интерпретацию. Русская постмодернистская проза анализируется через пародию, цитатный монтаж, ироническое переписывание идеологического языка и деконструкцию классического канона. Узбекская постмодернистская проза трактуется как национально адаптированная модель, в которой интертекст взаимодействует с фольклором, классическим литературным наследием, мифопоэтической образностью и этической рефлексией.*

Abstract: *The article provides a functional and typological interpretation of intertextual relations in Russian and Uzbek postmodern literature. Intertextuality is treated not as a mechanical set of quotations, but as a structural-semantic mechanism that activates cultural memory, genre codes, authorial masks and readerly interpretation. Russian postmodern prose is analyzed through parody, citation montage, ironic rewriting of ideological language and deconstruction of the classical canon. Uzbek postmodern prose is interpreted as a nationally adapted model in which intertextual relations interact with folklore, classical literary heritage, mythopoetic imagery and ethical reflection. The author argues that both literatures use intertextuality as a productive poetic strategy, yet its dominant functions differ: Russian postmodernism tends toward deconstruction and ironic demythologization, while Uzbek postmodernism is more closely connected with reconstruction, cultural memory and axiological search.*

Annotatsiya: *Mazkur maqolada rus va o‘zbek postmodern adabiyotida intertekstual aloqalarning funksional-tipologik talqini ilmiy tahlil qilinadi. Intertekstualik oddiy iqtiboslar yig‘indisi emas, balki madaniy xotira, janr kodlari, muallif niqoblari va o‘quvchi talqinini faollashtiruvchi struktur-semantik mexanizm sifatida izohlanadi. Rus postmodern nasrida intertekstualik parodiya, sitata montaji, mafkuraviy tilni ironik qayta yozish va klassik kanonni dekonstruksiya qilish orqali namoyon bo‘ladi. O‘zbek postmodern nasrida esa u folklor, mumtoz adabiy meros, mifopoetik obrazlar va axloqiy-falsafiy mushohada bilan uyg‘unlashgan milliy moslashgan model sifatida ko‘rinadi. Har ikki adabiyotda intertekstualik postmodern poetikaning faol strategiyasi sifatida namoyon bo‘lsa-da, rus adabiyotida uning dekonstruktiv va ironik funksiyalari, o‘zbek adabiyotida esa rekonstruktiv hamda aksiologik funksiyalari ustuvor ahamiyat kasb etadi.*

Ключевые слова: *постмодернизм, интертекстуальность, русская литература, узбекская литература, типология, пародия, цитата, культурная память, мифопоэтика, функциональный анализ.*

Keywords: *postmodernism, intertextuality, Russian literature, Uzbek literature, typology, parody, quotation, cultural memory, mythopoetics, functional analysis.*

Kalit so‘zlar: *postmodernizm, intertekstualik, rus adabiyoti, o‘zbek adabiyoti, tipologiya, parodiya, iqtibos, madaniy xotira, mifopoetika, funksional tahlil.*

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

Введение. В постмодернистской литературе текст проявляет себя не как замкнутая и завершённая система смыслов, а как открытое семиотическое пространство, вступающее во взаимодействие с различными эпохами, жанрами, культурами и формами речи. Поэтому для понимания постмодернистского текста недостаточно анализа только его сюжетной структуры или системы образов; необходимо также исследовать скрытые цитаты, аллюзии, пародийные переписывания, мифологические и исторические коды, заложенные в нём. Понятие интертекстуальности возникает именно из данной потребности. Юлия Кристева, рассматривая текст как пересечение других текстов, показала, что литературный смысл никогда не формируется в абсолютно изолированной форме [1].

Актуальность темы определяется тем, что интертекстуальные связи в русской и узбекской постмодернистской литературе, с одной стороны, входят в общую систему постмодернистской поэтики, а с другой – обладают различной функциональной нагрузкой в каждой национальной литературе. Русский постмодернизм отличается склонностью к пародийному переосмыслению советского идеологического дискурса, классической русской литературы, религиозно-философских традиций и знаков массовой культуры. В узбекской постмодернистской прозе интертекстуальные связи, напротив, чаще соотносятся с фольклором, классической литературой, суфийской символикой, исторической памятью и нравственно-философскими поисками.

Теорию интертекстуальности нельзя ограничивать только именем Юлия Кристева. Грэм Аллен рассматривает интертекстуальность как теоретическое явление современной литературоведческой науки, которое кардинально изменило представления о происхождении текста, его границах и способах прочтения. Данный подход имеет важное значение для сравнительного изучения русской и узбекской постмодернистской прозы, поскольку в обеих литературах текст не обладает единственным источником происхождения, а вступает в многослойное взаимодействие с предшествующими текстами и культурной памятью [2].

Взгляды Ролан Барт, выдвинутые в концепциях «смерти автора» и «текста», являются одной из важных теоретических основ интерпретации постмодернистской литературы. В понимании Барта текст представляет собой не единый смысл, исходящий из одного источника, а многоголосую ткань знаков. Поэтому в постмодернистской прозе авторская доминирующая позиция ослабевает, а читатель превращается в субъекта, который заново конструирует текст и активно порождает его смысл [3].

Цель исследования заключается в выявлении функционально-типологических особенностей интертекстуальных связей в русской и узбекской постмодернистской литературе. В рамках данной цели были определены следующие задачи: раскрыть теоретические основы интертекстуальности; выявить её деконструктивные и пародийные функции в русской постмодернистской прозе; проанализировать формы проявления интертекстуальных связей в узбекской постмодернистской прозе, связанные с национальной памятью и нравственно-философскими поисками; осуществить функционально-типологическое обобщение общих и отличительных особенностей в обеих литературах.

Методы исследования. В статье использованы сравнительно-типологический, герменевтический, структурно-семиотический и функциональный методы анализа. Сравнительно-типологический метод позволил выявить общие типы интертекстуальных связей в русских и узбекских постмодернистских текстах. Герменевтический подход дал возможность интерпретировать скрытые культурные отсылки, символы и переработанные сюжетные пласты в художественном тексте. Структурно-семиотический подход послужил основой для рассмотрения интертекстуальных единиц как знаков, кодов, цитат, пародий и символических моделей в структуре текста.

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

Важной методологической основой исследования стала теория транстекстуальности, разработанная Жерар Женетт. Женетт подразделяет межтекстовые отношения на такие формы, как интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, архетекстуальность и гипертекстуальность. Данная классификация позволяет изучать межтекстовые связи в постмодернистской прозе не только на уровне общего влияния или сходства, но и как конкретные поэтические механизмы [4].

Линда Хатчен рассматривает постмодернистскую поэтику как сложное пространство взаимодействия между исторической памятью, самосознанием и художественной условностью. Её концепция исторической метафикции служит важной теоретической основой для объяснения процессов переосмысления истории, пародии и иронического диалога с прошлым в русской и узбекской постмодернистской прозе. Однако в данной статье концепция Хатчен не применяется к узбекской литературе механически; она интерпретируется в сочетании с национальной литературной памятью и духовно-нравственным содержанием [5].

Фредрик Джеймисон связывает постмодернизм с культурной логикой позднего капитализма, подчёркивая усиление в нём пастиша, ослабление исторического сознания и активизацию циркуляции культурных знаков. Данная концепция, хотя и является эффективным инструментом для объяснения симулякров, пародии и идеологических кодов в русском постмодернизме, не позволяет в полной мере раскрыть национально-духовное содержание узбекской постмодернистской прозы. В связи с этим в статье теоретические источники применяются с учётом специфики национального литературного процесса [6].

Анализ и результаты. В русской постмодернистской литературе интертекстуальность прежде всего выполняет функцию перекодирования классического канона. Образы и сюжетные модели, созданные такими классиками, как Александр Пушкин, Николай Гоголь, Фёдор Достоевский, Лев Толстой, в постмодернистском тексте зачастую вновь проявляются в пародийной, иронической или симулятивной форме. В данном процессе классический текст не отвергается, а подвергается смещению его доминирующего смыслового центра. Марк Липовецкий рассматривает русский постмодернизм как «диалог с хаосом», отмечая, что в данной литературе происходит разрушение представлений о стабильном смысле и единой истине [7].

Михаил Эпштейн, Александр Генис и Слободанка Владив-Гловер рассматривают русский постмодернизм как широкое эстетико-философское явление, сформировавшееся в постсоветской культуре. В их подходе русский постмодернизм выступает не только как литературное направление, но и как процесс, связанный с возникновением культурного вакуума после завершения советской эпохи, распадом идеологических текстов и формированием новой системы знаков. Поэтому в русском постмодернистском тексте интертекстуальность зачастую выполняет функцию разоблачения «старого языка», его ослабления посредством игры и иронии [8].

Ирина Скоропанова объясняет русскую постмодернистскую литературу в связи с формированием новой философии и нового художественного языка. В её интерпретации постмодернистские тексты складывались в тесном взаимодействии с неофициальной культурой, концептуализмом, абсурдом, гротеском и пародийной формой письма в литературном процессе 1960–1990-х годов. При этом интертекстуальность одновременно способствует восстановлению литературной памяти и ставит её под сомнение. Таким образом, интертекстуальная связь в русском постмодернизме обладает двойственной природой: она, с одной стороны, актуализирует предшествующий текст, а с другой – подвергает его разрушению и переосмыслению [9].

Вячеслав Курицы́н характеризует русский литературный постмодернизм как поэтику, основанную на цитате, игре, пародии и интеллектуальном взаимодействии с читателем. Данная характеристика позволяет глубже понять внутренние механизмы

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

русского постмодернистского текста. По наблюдениям исследователя, в русской постмодернистской прозе при распознавании читателем предшествующего текста раскрываются иронические смысловые пласты произведения; в противном случае текст может восприниматься как фрагментарный, абсурдный или необычный. Таким образом, интертекстуальность выступает своеобразным испытанием литературной компетенции читателя [10].

В узбекской постмодернистской литературе интертекстуальность не обладает столь же ярко выраженным деконструктивным характером, как в русском постмодернизме. Улугбек Хамдам рассматривает постмодернизм как сложное, многогранное и продолжающее развиваться литературное явление, выделяя такие его признаки, как фрагментарное восприятие действительности, дестабилизация авторской позиции и усиление роли читательской интерпретации. Вместе с тем постмодернистские элементы в узбекской прозе проявляются в тесной связи с национальным литературным процессом, модернистскими поисками и интеллектуальной свободой мышления периода независимости [11].

В исследованиях Улугбек Хамдам отмечается, что в отдельных произведениях Хуршид Дустмухаммад, Назар Эшонкул и Исайжан Султан художественная переработка известных сюжетов, идей или сюжетных линий мировой литературы соответствует принципам постмодернистской литературы. Данная позиция свидетельствует о том, что интертекстуальные связи в узбекской постмодернистской прозе являются не случайным художественным украшением, а осознанной художественно-эстетической стратегией. Однако эта стратегия, как правило, наполняется содержанием, связанным с национальной памятью и нравственно-философскими поисками [12].

В прозе Исайжан Султан интертекстуальные связи проявляются посредством многоуровневой структуры текста, мифологических символов, суфийских аллюзий и научно-фантастических образов. Сухроб Хасанов отмечает наличие в прозе Исайжана Султана таких постмодернистских признаков, как интертекстуальность, ризоматичность, многослойность и ослабление традиционной авторской позиции. Данные особенности раскрывают одно из ключевых отличий узбекского постмодернизма: в нём присутствует игровое начало, однако оно не предполагает полного отказа от смысла; напротив, игра становится средством поиска и раскрытия смысла [13].

В творчестве Назар Эшонкул интертекстуальность проявляется в связи с фольклором, мифом, исторической памятью и экзистенциальными переживаниями. В исследовании Худайбердиева Кундуз фрагментарность, интертекстуальный подход, мифологическая модель, нарушение традиционного сюжета и символико-философская образность в творчестве Назара Эшонкула рассматриваются как художественные средства, близкие постмодернистской эстетике. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что постмодернизм в узбекской прозе адаптировался к национальному художественному мышлению и проявляется в соответствии с особенностями отечественного литературного сознания [14].

В русской и узбекской постмодернистской литературе интертекстуальные связи с функциональной точки зрения можно разделить на четыре группы.

Первая – деконструктивная функция. Она разрушает доминирующий смысл предшествующего текста или дискурса и посредством пародии либо иронии переносит его в новое смысловое пространство. Данная функция наиболее ярко проявляется в русском постмодернизме.

Вторая – реконструктивная функция. Она не полностью отрицает предшествующий текст, а, напротив, восстанавливает его в новом историко-культурном контексте. Эта функция более отчётливо проявляется в узбекской постмодернистской прозе.

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

Третья – диалогическая функция. В данном случае новый текст вступает в полемику с предшествующим текстом и одновременно вовлекает читателя в этот процесс взаимодействия.

Четвёртая – аксиологическая функция. В её рамках интертекстуальная связь способствует выявлению системы ценностей. В узбекской постмодернистской прозе, особенно в произведениях Исайжан Султан и Назар Эшонкул, интертекстуальность приводит читателя к размышлениям о смысле, вере, исторической памяти, человеческой ответственности и национальной идентичности.

Типологические сходства проявляются в следующем: в обеих литературах текст активно взаимодействует с предшествующей литературной памятью; авторская позиция подвергается дестабилизации; границы между жанрами становятся более гибкими; возрастает роль читателя в процессе интерпретации. Различия же заключаются в том, что русский постмодернизм в большей степени направлен на разрушение идеологического дискурса, тогда как узбекский постмодернизм преимущественно ориентирован на восстановление национальной памяти в новой художественной форме.

В литературоведческом словаре, составленном Дилмурод Куронов и соавторами, постмодернизм определяется как широкое направление, проявившееся в литературе и искусстве со второй половины XX века. Исходя из данного определения, можно утверждать, что постмодернизм следует изучать не только как «западный метод», но и как сложный эстетический процесс, который адаптируется к историческим и культурным условиям каждой национальной литературы.

Для более точного определения функционально-типологического анализа интертекстуальные связи можно классифицировать также по типу источника.

Первый тип – литературный интертекст, который возникает посредством обращения к предшествующему художественному произведению, персонажу, сюжету или жанровой модели.

Второй тип – исторический интертекст, включающий в художественный текст реальные исторические события, личности, исторические документы или элементы коллективной памяти.

Третий тип – мифологический интертекст, функционирующий через древние мифы, религиозные предания, фольклорные образы и архетипы.

Четвёртый тип – дискурсивный интертекст, который связан с включением и переосмыслением в художественном тексте политических лозунгов, идеологических формулировок, научного языка, публицистического стиля или форм повседневной речи [15].

В русской постмодернистской прозе дискурсивный интертекст обладает высокой активностью. Когда в одном тексте сталкиваются лозунги советской эпохи, язык официальной идеологии, бюрократические выражения и классический литературный стиль, ни один из этих элементов не сохраняет статус абсолютной истины. По наблюдению исследователя, в подобном тексте интертекстуальность часто выполняет «разоблачающую» функцию: она выявляет искусственность языка, пустоту идеологических шаблонов и фрагментарность культурной памяти. Именно поэтому пародия в русском постмодернизме является не просто средством комического эффекта, а инструментом идеологического анализа.

В узбекской постмодернистской прозе особое значение приобретают мифологический и литературный интертексты. В данном случае фольклорный образ, эпический мотив, суфийский символ или отсылка к классической литературе служат раскрытию внутреннего состояния современного героя. Например, такие образы, как странничество, путь, колодец, ветер, вода, пещера, сон, тени, имя и память, с одной стороны, актуализируют национальную и религиозно-культурную память, а с другой –

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

выражают процесс поиска смысла современным человеком. Таким образом, в узбекском тексте интертекстуальность чаще выполняет идентификационную функцию.

Ещё один важный результат заключается в том, что постмодернистская интертекстуальность основывается на читательской компетенции. Распознавание или нераспознавание определённой отсылки внутри текста изменяет качество интерпретации. Если читатель обладает достаточными знаниями о классической литературе, фольклоре, историческом контексте и современных литературных направлениях, он способен раскрыть скрытые смысловые уровни произведения. В противном случае постмодернистский текст может восприниматься как сложный, фрагментарный или лишённый очевидного смысла. Данный аспект необходимо учитывать и в методике преподавания русской и узбекской постмодернистской литературы.

При обобщении функциональных результатов интертекстуальных связей становится очевидным, что в русской литературе они преимущественно служат процессу децентрализации, тогда как в узбекской литературе – поиску нового смыслового центра. В русском тексте сопоставление знаков классической и советской культуры часто приводит к возникновению семантической нестабильности. В узбекском же тексте столкновение различных культурных кодов в конечном итоге усиливает нравственно-философский вопрос: ради чего живёт человек, каким образом сохраняется историческая память, через какие знаки продолжается национальная идентичность?

Ещё один аспект, выявленный в рамках исследования, заключается в том, что интертекстуальность в узбекской постмодернистской прозе часто связана с поэтикой «возвращения». Это возвращение не является простым традиционализмом; оно осуществляется посредством включения классической литературы, фольклора и религиозно-мифологических представлений в структуру современного романа или рассказа. В результате текст выполняет функцию своеобразного моста между прошлым и настоящим. Если интертекст в русском постмодернизме чаще обращается к прошлому с позиции сомнения, то в узбекском постмодернизме он, вступая с прошлым в диалог и полемику, стремится найти в нём духовную опору.

Обсуждение. При сравнении интертекстуальных связей в русской и узбекской постмодернистской литературе важно разграничивать понятия «влияние» и «типологическое сходство». Наличие сходных художественных приёмов в литературном тексте не всегда означает прямое воздействие одного явления на другое. В некоторых случаях такие элементы, как фрагментарность, цитирование, пародия, переосмысление сюжета или изменение авторской маски, связаны с особенностями эпохи, обновлением исторической памяти и внутренней эволюцией литературного мышления.

С точки зрения исследователя, применение русского постмодернизма в качестве готовой модели к узбекской постмодернистской прозе может привести к методологической ошибке. Это объясняется тем, что русский постмодернизм в большей степени связан с постсоветским идеологическим вакуумом, переосмыслением классического канона и пародированием идеологического языка. Узбекская же постмодернистская проза формируется в тесной связи с национальной памятью, историческими травмами, фольклорными кодами, классическим наследием и духовно-нравственными вопросами.

Связь интертекстуальности с национальной поэтикой также требует отдельного рассмотрения. В узбекской классической литературе существуют древние формы межтекстовых связей, такие как талмех, тазмин, назира, намёк, символ и мудрое изречение. В постмодернистской прозе эта традиция продолжает существовать в иной форме – как фрагментарная, многослойная и поликодовая система. Поэтому более обоснованно рассматривать узбекский постмодернизм не как явление, оторванное от национальной традиции, а как процесс её художественного переосмысления в новых эстетических условиях.

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

Проведённый анализ показывает, что интертекстуальность в русском постмодернизме преимущественно выполняет критическую, пародийную и деконструктивную функции, тогда как в узбекском постмодернизме более выражены нравственно-философская и реконструктивная функции. Данное различие обусловлено спецификой национального литературного мышления. В узбекской прозе межтекстовая связь чаще служит не «отказу от смысла», а, напротив, «поиску утрачиваемого смысла».

Таким образом, научный результат исследования заключается в том, что интертекстуальные связи в русской и узбекской постмодернистской литературе обладают общим поэтическим механизмом, однако имеют различную функциональную направленность. В русской литературе интертекстуальность преимущественно способствует разрушению идеологических и культурных дискурсов, тогда как в узбекской литературе она служит осмыслению исторической памяти и национальных ценностей в новой художественной форме.

Заключение. Интертекстуальные связи в русской и узбекской постмодернистской литературе проявляются как один из основных поэтических механизмов художественного текста. Они усложняют структуру произведения, активизируют читательскую интерпретацию, приводят в движение жанровую память и культурные коды. Интертекстуальность необходимо рассматривать не как простую цитату или внешнее влияние, а как эстетическую систему, порождающую смысл.

Результаты анализа показали, что в русской постмодернистской литературе преобладают деконструктивные, пародийные и иронические функции интертекстуальности. В узбекской постмодернистской литературе она выполняет реконструктивную и аксиологическую функции, проявляясь в связи с национальной памятью, фольклором, классической литературой, суфийской символикой и нравственно-философскими поисками. В этом отношении узбекская постмодернистская проза не является простым повторением западной или русской модели, а представляет собой сложный художественный процесс, адаптированный к особенностям национального литературного мышления.

В статье выделены четыре функциональных типа интертекстуальных связей: деконструктивный, реконструктивный, диалогический и аксиологический. Данные типы демонстрируют как общие черты, так и национально-специфические особенности русской и узбекской постмодернистской литературы. В дальнейшем представляется целесообразным продолжить изучение данной проблемы на материале конкретных художественных текстов, в частности, посредством углублённого текстологического анализа произведений Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Назар Эшонкул, Исайжан Султан и Хуршид Дустмухаммад.

Литературы

1. Kristeva J. Word, Dialogue and Novel // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. – New York: Columbia University Press, 1980. – P. 64–65.
2. Allen G. Intertextuality. – London; New York: Routledge, 2000. – P. 1–11.
3. Barthes R. From Work to Text // Image–Music–Text. – London: Fontana Press, 1977. – P. 155–157.
4. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. – P. 1–7.
5. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. – New York; London: Routledge, 1988. – P. 3–20.
6. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. – Durham: Duke University Press, 1991. – P. 1–25.

DOI: 10.65322/j.srd.03172026.33

7. Lipovetsky M. Russian Postmodernist Fiction: Dialogue with Chaos. – Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1999. – P. 15–37.

8. Epstein M., Genis A., Vladiv-Glover S. Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture. – New York; Oxford: Berghahn Books, 1999. – P. 3–22.

9. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие. – Москва: Флинта; Наука, 2001. – С. 7–29.

10. Курицын В. Русский литературный постмодернизм – burn before reading. – Москва: Флюид ФриФлай, 2012. – С. 17–42.

11. Hamdamov U. Jahon adabiyoti: modernizm va postmodernizm. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – B. 53–65.

12. Hamdamov U. Jahon adabiyoti: modernizm va postmodernizm. – Toshkent: Akademnashr, 2020. – B. 71.

13. Khasanov S. Postmodernism and ideological-artistic features of I. Sultan's prose // Foreign Linguistics and Linguodidactics. – 2024. – Special Issue 3. – P. 154–161.

14. Xudayberdiyeva K. Nazar Eshonqul va o‘zbek nasrida postmodernizmning shakllanishi. – Modern Science and Research, 2026. – B. 31–34.

15. Quronov D., Mamajonov Z., Sheraliyeva M. Adabiyotshunoslik lug‘ati. – Toshkent: Akademnashr, 2010. – B. 240–243.